

Ю. Н. ТЫНЯНОВ

БЕЗЫМЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Источник: Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М.: Наука, 1969.

Под. ред. ак. В. В. Виноградова. Составление В. А. Каверина и З. А. Никитиной.

Электронная версия: Александр Продан.

Оригинал находится по адресу: **Библиотека Александра Белоусенко**

1

В жизни Пушкина была любовь, необычайная по силе, длительности, влиянию на всю жизнь и им самим никогда не названная, "утаенная". Следы ее впервые подметил на основании анализа пушкинских элегий М. Гершензон. *

* См. М. Гершензон. Северная любовь А. С. Пушкина. "Вестник Европы", 1908, январь; также: в книге М. Гершензона "Образы прошлого". М., 1912; П. Е. Щеголев. "Из разысканий в области биографии и текста Пушкина". В кн.: "Пушкин и его современники", вып. XIV. СПб., 1911; также: в книге П. Е. Щеголева "Очерки" ("Утаенная любовь А. С. Пушкина"), М. Гершензон. В ответ П. Е. Щеголеву; П. Щеголев. Дополнения к "Разысканиям в области биографии и текста Пушкина".

Любовные элегии Пушкина послелицейского периода -- проявление непосредственного поэтического реализма, и в этом смысле и значение их для всего творчества Пушкина и их конкретная, фактическая основа -- вне сомнений. Не только закрепление внешних фактов и обстоятельств, но и прежде всего внутренних отношений доведено здесь до такой поэтической точности, поэзия до того конкретна и освобождена от общих мест, что можно с уверенностью говорить о конкретных жизненных обстоятельствах и лицах элегий.

Здесь Пушкин нашел прямые поэтические средства для закрепления реальной, непосредственной правды.

Элегии наряду с посланиями явились у Пушкина жанром, уже не противоречащим большим задачам и большим жанрам литературы, эпосу и драме, как то было в поэзии непосредственно предшествовавшего периода, когда элегии с изображениями общих чувств и условных героинь превратились в мелочный жанр, жанр мелочей. Напротив, лирика стала у Пушкина как бы средством овладения действительностью в ее конкретных чертах) и первым, главным путем к эпосу и драме. Поэтому самая фактическая, биографическая основа лирики Пушкина и имеет такое значение для изучения его поэзии.

Наблюдения Гершензона наметили целый круг стихотворений, так или иначе отражающих "северную любовь", т. е. какую-то любовь Пушкина до 1820 г., года высылки на юг, любовь, воспоминания о которой продолжались на юге, в годы его южной ссылки.

Путем различных сопоставлений он пришел к выводу, что не названная нигде Пушкиным героиня этих элегий -- кн. Мария Аркадьевна Голицына. Этим устанавливался крайне важный факт биографии Пушкина.

В полемике, тут же возникшей по этому поводу между Щеголевым и Гершензоном, проявились комические черты тогдашнего пушкиноведения; полемика о биографическом вопросе, по самому характеру требовавшая какой-то сдержанности, вскоре приняла бранный топ.

Щеголеву, впрочем, удалось совершенно убедительно доказать, что одно из стихотворений, включенных Гершензоном в круг лирики, отражающей "утаенную любовь", заведомо относящееся к М. Арк. Голицыной, на самом деле никакого отношения ни к другим элегиям цикла, ни к "утаенной любви" не имеет.

Имя М. Арк. Голицыной как женщины, возбуждавшей самую длительную, самую сильную любовь Пушкина, им почему-то от всех "утаенную", таким образом окончательно отпало. Сам же Щеголев путем тщательного изучения рукописей и в силу различных соображений пришел к выводу, что героиней этого чувства Пушкина, которое ему удалось утаить в течение всей его жизни от постороннего внимания, была пятнадцатилетняя Мария Николаевна Раевская (1805--1863), знаменитая впоследствии жена декабриста С. Волконского.

Оба исследователя обнаружили полнейшее равнодушие к главному вопросу: к вопросу о том, почему и зачем, собственно говоря, понадобилось Пушкину так мучительно и тщательно утаивать любовь, во-первых, к блестящей светской певице М. Арк. Голицыной, приятельнице поэта Козлова и